

Андрей Углицких *Житие Углицких*

Литературное расследование обстоятельств и судьбы
угличского этапа 1592-93 гг.

Андрей Клавдиевич Углицких
Житие Углицких.
Литературное расследование
обстоятельств и судьбы
угличского этапа 1592-93 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282869
ISBN 9785448387999

Аннотация

Литературное расследование обстоятельств и судьбы угличского этапа 1592 – 93 гг. Автор полагает, что носители фамилии Углицких, компактно проживающие на севере Пермского края, Свердловской, Тюменской, Курганской областей, являются потомками сосланных в Пелым участников так называемого «угличского мятежа», вспыхнувшего в г. Угличе после убийства в мае 1591 года царевича Димитрия, сына Ивана Грозного.

Содержание

От автора	6
Мамин дневник	9
Вязники, Владимирская область	9
Рыбинск, Ярославская область	10
Белорецк, Башкирская АССР	12
Уфа, Башкирская АССР	13
Пермь	18
Опять Рыбинск	20
Дом. Наш дом в Рыбинске	21
«Мятежники»	28
Уголь, Угол, Голый	28
Пелым – был или нет? ЦК или ЧК?	33
Версия первая: Солянка, Соль Камская, ЧК и ЦК...	35
Биармия или бешеной собаке сорок верст – не крюк!	44
Биармия – Великая Пермь	45
Щипок, берсень, шабол	51
Столицы Урала. Вишерская и Бабиновская дорога в Сибирь	54
Доказательство «от невозможности объяснить никакими иными...»	63
Словцо об Иермаке Тимофеевичи	70

со товарищи

Конец ознакомительного фрагмента.

**Житие Углицких
Литературное
расследование
обстоятельств и судьбы
угличского этапа 1592-93 гг.**

**Андрей Клавдиевич
Углицких**

Фотограф Андрей Клавдиевич Углицких

Фотограф Ольга Ивановна Стенина

Редактор Андрей Клавдиевич Углицких

© Андрей Клавдиевич Углицких, 2017

© Андрей Клавдиевич Углицких, фотографии, 2017

© Ольга Ивановна Стенина, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-8799-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мама

Моя мама, Углицких Людмила Николаевна (1928—2003), уроженка города Вязники, что на Владимирщине, начала эти дневниковые записи на рубеже тысячелетий, когда перелом шейки бедра лишил ее возможности выходить из дома и активно работать. Учительница математики, что называется, «от Бога», пыталась заняться «домашним учительством» – репетиторством, но без особого успеха. Страна, сама едва начала приподниматься, привставать со своего почти что смертного одра и у граждан ее, которым не платили жалованья, не оказалось лишних средств для надомного обучения детей.

Вопреки пессимистическим прогнозам врачей (неправильно сросшийся перелом), мама не сразу, но встала. Сначала на костыли, а вскоре и вовсе начала обходиться без них – просто держась за спинку стула и понемногу передвигая его в нужном направлении. Потом была палка. На следующем этапе матушка научилась перебираться через крутой высокий порожек из комнаты на балкон, сполна освоив технику высотных «балконных прогулок». Труднее всего ей было с выходами туда, вниз, на землю, на настоящую, «Большую землю». Лифтов в пятиэтажках никогда не ставили. А спуститься по лестничным пролетам с четвертого этажа на первый требовало невероятного мужества. А уж подняться: одной, без посторонней помощи, просто невозмож-

но!

Конечно, маме помогали. Особенно, брат Алексей и его дружное семейство: супруга Венера, сыновья, дочь. Я же жил в Москве, и не имел возможности часто бывать в Перми.

В один из приездов я попросил маму записать для нас, потомков, историю своей жизни. Как сможет, чем сочтет возможным, нужным, важным поделиться. Долго сомневалась, всё не начинала: «Да зачем? Кому это надо?». Но – написала.

В 2003 мамы не стало.

Почти ничего не правил в столь важном и дорогом для меня матушкином «мемуаре», желая, чтобы стиль и характерный язык сохранились в оригинальном первоизданном виде. Позволил себе лишь необходимые комментарии, и то – там, где был уверен точно, что имею право.

Но с дневника маминого началось все: и попытка разобраться в том, кто такие Углицких и откуда взялись они на Урале? Чем жили – были, каково досталось им...

Все, словом...

Мамин дневник

Вязники, Владимирская область

1928 год: Голодный год, маме¹ группой собрали на мои родины 1 кг масла. Старые лозунги – на пленки. На моем свидетельстве о рождении штамп: «получено 3 метра на пленки».

¹ Маминой маме, моей бабушке, Оле Александровне Курановой.

Рыбинск, Ярославская область

1932 год: Все еще голод. В магазинах за всем громадные очереди вплоть до 1936 года.

1936 год: Выборы: Дворец украшен, люди поют, пляшут. Нас в школе кормят. Стакан чаю и маленькая булочка с розочкой из масла.

1937—1938 года: В магазинах все есть. Куда девались очереди? Во дворце культуры (а это рядом с моим домом) работают кружки, студии. Для младших рассказывают сказки, читают книги. Очень хорошая театральная студия (молодежная). Летом с ребятами работают во дворах пионервожатые: играют, водят в лес, учат составлять гербарии.

1939 год: Война с белофиннами. Снова в магазинах ничего нет. Хлеб распределяют по едокам и продают (развозят) по подъездам по 500 грамм на человека. На нашем мешочке — фамилия и пять человек. И так у всех.

1940 год: Ездили в Ярославль на поезде школой на три дня в летние каникулы. Ходили в театр имени Волкова, смотрели «Эсмеральду», потом нас водили в собор — смотреть маятник. Перед войной в Рыбинске было плохо с продуктами — ездили в Москву.

1941 год: Впервые, после пятого класса поехала в пионерский лагерь. Там и застала меня война. Вернулись в комен-

дантский час, ждали на вокзале до утра, кругом темень – светомаскировка. За домом рыли щели, и по тревоге все бежали туда. Окраины Рыбинска бомбили, но к авиамоторному заводу (а мы жили прямо у завода, день и ночь – рев испытываемых моторов) наши истребители не допускали немецкие самолеты. Отгонят – отбой, и снова за работу, за учебу.

Завод эвакуируют в Уфу. Семьи комсостава вывозят на пароходах. На одном из них едем и мы: мама, Руфинка, я и Станислав². С собой 5 кг мягкого груза, но мама в наш мягкий груз завернула швейную машинку, которая, собственно, и спасла нам жизнь. Мы же, как дураки, в эти килограммы взяли учебники и оказались на всю войну без всего: без зимней одежды, валенок и так далее. Оставленную в Рыбинске квартиру с остальными нашими вещами мы, как и все, в опечатанном виде сдали под расписку – скоро вернемся, и все будет по старому. А это скоро...

Выходили пароходы в начале октября: холод, ветра. До Горького к нам посадили летчиков – молодых парней. В Горьком их формировали на фронт. При подходе к Горькому развернулись обратно – город бомбили. Привезли по воде до Белорецка. В Уфу не повезли. Рабочих селить было некуда.

² Руфина, Руфа – мамина сестра, 1924 г.р.; Станислав, мамин брат, 1932 г.р.

Белорецк, Башкирская АССР

В Белорецке нас ждали сани колхозников из соседних деревень. Каждая выбирала себе семью и увозила. Потихоньку все наши спутники уезжают, а мы сидим «бесхозные»: нас трое малых с одной взрослой – кому нужна такая обуза! Взяла нас Аграфена Яковлевна из Калинников, самого заухдалого колхоза района. Там и перезимовали зиму. А о папе – ничего.

Он был назначен начальником эшелона и отвечал за эвакуацию цеха. Пока они выломали все станки, погрузили на баржу и двинулись в путь, зима взяла свое. Баржа вмерзла в Волгу. 200 км везли они груз сначала по льду, затем на волокушах станки до ближайшей железнодорожной станции. Заново перегрузили все в поезд и приехали в Уфу уже в марте, все простуженные, голодные. Паек, данный в дорогу, кончился еще на барже. Когда добрались до станции, то первое, что сделали – взяли «на ура» буфет. Буфетчица только успела выскочить через верх. Папа приехал за нами в апреле – дистрофик, весь в чирьях от голода и простуды, и, подлечившись с неделю, увез нас в Уфу.

Уфа, Башкирская АССР

Поселились мы на квартиру по уплотнению. Хозяин был ничего, а хозяйка никак смириться не могла, что их уплотнили. У нас не было ничего кроме хлебных карточек: 800 г – рабочая, папина; 600 г – служащая, мамина; 500 г – учащаяся техникума, у Руфы; 500 г – детская, у Станислава; 300 г – иждивенческая, моя. Итого: 2700 г. Хлеб был клеклый, тяжелый. Это – буханка с довеском. И за ним мы ходили со Станиславом каждый день, кварталов за десять. Идешь, идешь, сам себя уговариваешь: «Вот дом с зелеными ставнями, а там дом с белыми, а там...»

Принесешь хлеб домой, и смотришь на него до вечера, пока не придут с работы папа с мамой, которые разрежут этот хлеб на пять равных частей. Съедаем, и до следующего вечера. Днем же, со Станиславом, идем на Воронки за хворостом, а это 5 км, если не больше.

Однажды хозяин дал нам со Станиславом тыкву. Вырезали мы из нее треугольник, как это делают на арбузах, попробовали – ничего. И оставили до прихода мамы с папой. А вечером, только мы подали маме с папой эту тыкву, воорвалась к нам хозяйка со своим хозяином, обвинила нас, что мы украли эту тыкву (хотя хозяин ей тут же говорил, что это он дал). И унесла.

А еще было так: принес папа однажды с работы кау-

стической соды неочищенной. Она похожа была на куски халвы. Ведь надо стирать одежду. Положили на тарелку и спрятали. Видел эту соду Станислав, решил – халва. И как только папа с мамой ушли на работу, он подбежал к тарелке, да засунул кусок в рот. Я проснулась от рева. Бегала с ним по всем больницам, сжег он себе все во рту.

Осенью 1942 года я стала искать себе место в жизни. Поступила на курсы медсестер – благо девочка я была рослая, а документы проверяли не сразу. Начались занятия. Я уже научилась писать рецепты, но в это время с документами разобрались и меня выгнали. Хотела стать донором, ответили, что кровь у детей не берут. Иду мимо училища, увидела громадный плакат: «Объявляется дополнительный набор добровольцев в железнодорожное училище №1, в группу токарей».

Вот я и доброволец!

В первый же день в ночную смену. В октябре вступила в комсомол – взяли до 14 лет. Я – комсорг группы, лучшей во всем училище. Мы работаем, учимся, ходим в госпиталь, что рядом, в школе, занимаемся в художественной самодеятельности. Пою в хоре, читаю стихи... Зато кормят три раза в день, выдали б/у шинель, форму! Ботинки брезентовые на деревянном ходу выдали по особому распоряжению директора училища, так как при морозе в 50° ходила в калошах на босу ногу...

1943 год: в день железнодорожника награждена формен-

ным праздничным платьем, которое мама перешила в модное, единственное с 1941 вплоть до 1946 года. Единственной на это время была и моя железнодородная, бывшая в употреблении шинель, и только в 1946 году на рынке удалось купить мне пальто из зеленого офицерского сукна с собачьим воротником.

Папа к этому времени дошел до дистрофии наивысшей степени, и стоять у станка уже больше не мог. Специалистом он был отличным, и его перевели в ремесленное училище старшим мастером. Вот папа едет в деревню за дезертирами из училища и привозит два караваея настоящего деревенского хлеба: крутого, вкусного! Вечером один из них делится на всех поровну. И у всех – понос. Не выдержали железки настоящей еды...

Как жили? Все, что можно, берегли на обмен, делали своими руками на обмен: дадут на работе бутылку водки – меняем на дрова. Ведь на всю зиму с Воронок не наносишь. И все равно носили!

С работы папа с Руфой едут не до Уфы, а до Воронок – там лесок. Идут пешком, подбирают сушину, на себя ее, и – домой. Дадут раз в год талон на материю – меняем в деревне на картошку и другие продукты. Уедут с вечера с мамой вдвоем, а мы ждем их: приедут, не приедут. Всяко бывало...

Руфинка начала в 1941 году учиться в авиационном техникуме в Рыбинске, а в Уфе поступила работать на резино-

вый завод. Готовили там прорезиненные ткани на палатки, понтоны и т. д. Один такой прорезиненный рулон раньше десять мужиков еле поднимали, а теперь они, девчоночки 16—17 лет из комсомольской фронтовой бригады. У Руфинки — лучшая бригада. Лучшая — это 150—200% нормы, и все на себе...

Мама постепенно оправлялась от лихорадки. Приступов не было, но на кого она была похожа! В 40 лет — совсем старуха, все зубы выпали, вся седая, худая! После войны, когда мы переехали в Стерлитамак³, куда папу перевели директором ремесленного училища, на работу мы ее уже не отпустили.

Настало время, когда можно было учиться. В 1942 году я окончила шесть классов. Во время войны несколько месяцев походила в седьмой класс вечерней школы, но бросила. Ходить по вечерней Уфе было страшно, школа далеко. А в Стерлитамаке я поступила в вечернюю школу, в восьмой класс. Окончила его на одни пятерки. Документ за седьмой класс с меня никто и не спросил, а потом девятый и десятый закончила на законных правах. Куда дальше?

В Стерлитамаке из высших учебных заведений был только педагогический институт. Взяла отпуск. Поехала в Уфу сдавать экзамены в нефтяной. Сдала неплохо, но попала только кандидатом, так как из двухсот принимаемых женщин брали только 10%, то есть двадцать человек.

³ город в Башкирии

В первую очередь – башкирок, вне конкурса, даже с тройками, а на остальные места представителей других национальностей... Поэтому я вернулась в Стерлитамак и пошла учиться на учителя.

Первые годы учительства были не самыми трудными.

Пермь

Пермская школа №7, где я работала первый год учительницей, и откуда перешла в Орджоникидзевский район Перми⁴, поскольку у меня родился Андрюша. Когда я ушла в декрет, то ребята, семиклассники, отказывались принимать другую учительницу, хотя многому из того, что я давала ребятам, я научилась у нее.

Потом были 98 и 24 школа Орджоникидзевского района. Три пятых класса в двух школах, два новых педагогических коллектива, не очень довольных моим появлением – у них классы сокращались, так как в пятых учились дети войны, а их было мало. Поэтому с моим появлением у остальных учителей уменьшилась нагрузка, и, стало быть, зарплата. Через полтора года освобождается место в школе рабочей молодежи №18 и я перехожу туда. Зарплата на 15% меньше, время для работы – утро и вечер, но я рада: здесь я никому не помешала, а наоборот, попала в хороший коллектив учителей. Большие, ни до того, ни после, такого не было.

О моем деду Куранове Денисе, а твою прадеду, мама вот о чем не раз вспоминала. На летних каникулах собрались все братья и сестры папы в городе Гусь Хрустальный.⁵ У Ку-

⁴ Один из самых отдаленных от центральной части города районов, вблизи от еще строившейся тогда Камской ГЭС.

⁵ Город во Владимирской области

рановых был там, как и полагается, свой дом. Жили коммуной. Все расходы учитывались и делились на взрослых едоков поровну. А собрались все коммунисты, комсомольцы, тетя Дуся с мужем – работником НКВД. И вот в их доме завелась нечистая сила. Как стемнеет в доме начиналось: стучало во все окна, шумело, вскрикивало. Весь город сбегался к их дому послушать, что делает нечистая сила. Вот и собрались все они: коммунисты, комсомольцы и сотрудник НКВД, и полезли в подпол ловить эту самую силу. А это оказалась... нянька, она хотела завладеть тети Дусиным приданым, которое оставила ей родная мать, умершая. Вот и устраивала эти спектакли, чтобы выгнать их из дома.

ОПЯТЬ РЫБИНСК

Рыбинск стоит на слиянии Волги с Шексной. От нашего дома до пляжа было не так уж далеко. Поэтому мы летом очень часто одни (нас ведь трое росло, да куча соседских ребят) ходили на Волгу купаться. Волга при впадении Шексны очень широкая. Другой берег едва виден. На нашем берегу пляж. Песок на километр, наверное. Прямо на песок положены слезы, и по ним лошади выволакивают топляк из Волги. Папа очень хорошо плавал. И Руфинка тоже. Они с ним частенько плавали на другой берег. Я же плавать хорошо никогда не умела. Может, боялась. Маленькой, во время одного из наших походов, я, упав в воду на спину, нахлебалась воды. А когда построили ГЭС, Волга и вовсе разлилась.

Дом. Наш дом в Рыбинске

Войны наш дом не пережил. Одна бомба попала в него, другая – во Дворец культуры, который стоял рядом. После войны мама все рвалась в Рыбинск. Хоть бы посмотреть! А мне кажется, ей хотелось узнать об оставленных там вещах. Всем отъезжающим обещали сохранить вещи, и по окончании войны вернуть. Квартиры с вещами «принимали» работники ЖКО, опломбировали, но, как рассказывали маме потом, почти сразу же приезжали из деревень, на подводах люди, и все это увозилось, расхищалось. Мама увидела папин велосипед, который тогда был почти такой же роскошью, как в наши времена автомобиль «Волга», у наших соседей по квартире, Котовых. Они жили в своем доме за рекой.

Папу (я об этом уже упоминала) перевели с должности старшего мастера директором училища в Стерлитамак. Вслед за ним уехала мама со Станиславом. А мы с Руфиной остались в Уфе – работали, кто нас отпустит? Вот тут и случилось. Получив краткосрочный отпуск, Руфинка поехала в гости в Стерлитамак. Поезд из Уфы уходил за полночь и приходил в Стерлитамак на рассвете. А годы были не лучшие нынешних: воровство, грабежи, убийства. Забирает она все свои платья, а я ей:

– Страшно, как бы не ограбили!

Она же мне:

– За своими смотри!

И – точно! В следующую после ее отъезда ночь к нам в квартиру забрались воры. У вторых квартирантов, очень богатых людей, ибо всю войну они проработали на Уфимском витаминном заводе, украли все. Когда же вор проходил мимо их комнаты в нашу, они услышали, подняли крик, вор схватил с вешалки у двери мои платья (все, что у меня тогда были) и убежал. Осталась я только с юбкой и кофтой, что лежали в комнате. Где тонко, там и рвется. Соседи ходили в милицию, взяли собаку – ищейку. Собака привела милиционеров к дому неподалеку от нас, но милиционер в него заходить отказался, сказав, что собака – дура. Наверное, милиция была с ними заодно. Тогда так было.

Папа всегда называл Ленинград Питером. Были у него там и друзья, с которыми он переписывался года до шестидесятого. Ведь мальчишкой, в четырнадцать лет, он приехал из Гуся Хрустального в Петроград на работу. Там, на Путиловском, уже работали его старшие братья. Такова была традиция их семьи. Подрастая, мальчишки уезжали на работу в Петроград. С папой это случилось в 1916 году, перед самой революцией. И в революцию он был там. Вплоть до 1925 года, когда их, молодых коммунистов Ленинского призыва, отправили на учебу. Упоминал папа, что бывал на митингах, где выступал Ленин, что с продотрядом ездил по деревням добывать хлеб для Петрограда.

Учась, уже из Вязников, где был парторгом ткацкой фабрики, ездил летом на строительство ТуркСибя. И я об этом знать бы и не знала, но уже в Рыбинске нам попался один иностранный журнал с фотографией строительства, и на самом переднем плане, будто бы специально для нас его снимали, увидели мы папку. Жаль, что мало я тогда его расспрашивала о жизни. Помню из Рыбинска поездку с папкой в Москву. Ездил он в ЦК партии и брал меня с собой (может, не случайно). Оставил меня у здания, а когда вышел, то не обнаружил на месте. Но потом, нашел.

Жили мы, с хлеба на квас перебиваясь. Мама с папой поженились, и все их приданое умещалось в небольшой плетеной корзинке – чуть побольше чемодана. А там, среди всего прочего, была еще и подушка. Начинали с нуля. У нас не было даже радио. Слушать его, а тогда очень хорошие детские передачи были про пограничника Карацуну, мы ходили к соседям, Котовым. К 1940 году и наши накопили, и купили приемник, но его вскоре отобрали – боялись шпионов. Обещали вернуть, но в войну не только приемник, но и остальных вещей, таким трудом нажитых, лишились. После этого мама мебель не заводила. Были казенные кровати. Из них с помощью подушек (а вышивать мы все умели) делали диваны. Вместо шифоньеров – кабинки из реек, завешанные занавесками. Столы и комоды – из ящиков...

Другой твой дед (по отцу) – Андрей Харитонович, по рассказам твоей бабушки Татьяны Яковлевны, был челове-

ком незаурядным. Лесопромышленник, скорее всего, управляющий лесопромышленника, он с работой своей справлялся очень хорошо. До революции были у него даже сбережения в банке. Но банк в революцию погорел, и деньги пропали. Очень сердита за это на него была Татьяна Яковлевна. Говорила: «У других золото в кубышке лежало, цело осталось, а его понесло в банк. Был бы умнее, с золотом не так трудно было бы потом все невзгоды переносить».

А в дальнейшем, действительно, трудно пришлось. Из дома их выселили⁶. На поселении и жить было негде, и хлеб надо было доставать. Пока Андрей Харитонович был жив, он их кормил. Всякую работу мог делать. При нем, говорила Татьяна Яковлевна, без рыбы не жилали, да еще и на продажу оставалось. Продавали на хлеб. Умер он рано, простыв на рыбалке. Клавдию⁷ было тогда лет двенадцать, остальные еще младше, а было их человек 7—8. Вот и пришлось Клавдию идти в люди и самому пробивать себе путь.

Все из крестьянской работы умела и Татьяна Яковлевна, хотя ни шить, ни вышивать не могла. Андрея даже окре-

⁶ Мой дед – Углицких Андрей Харитонович (1883 г.р.), уроженец деревни Федорцова, Чердынского района Уральской области, был арестован 4 февраля 1930 г., обвинен в АСД (антисоветской деятельности), осужден 26 апреля 1930 г. (наказание – срок предварительного заключения), вместе с семьей сослан. База данных: «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918—1930 гг.» Пермский государственный архив новейшей истории. ф.641/1. Оп.1.Д.8027 (<https://www.permgani.ru/repress/index.php?id=28746>).

⁷ моему отцу – Клавдию Андреевичу Углицких, 1919 г.р.

стила сама, дома. Так делали раньше крестьянки, но такое крещение временное, чтобы не умер некрещеным, а потом все равно надо перекрещиваться.

Теперешняя мораль не сравнима с нашей, а вот Татьяна Яковлевна выходила за Андрея Харитоновича и вовсе не зная его, по сватовству. Был он, говорила она, рябой...»

На этом рукопись обрывается. Не могу не добавить еще несколько предложений. Важных, на мой взгляд. Мама упоминает о дедовом (и отцовом, поскольку он в нем родился) доме, из которого выселили семью Углицких в 1930 году. Деда выселили с семьей, как кулака. Конечно, не сидели сложа руки, ясен плетень – писали во все инстанции, обращались «куда надо» и «не надо», даже к самому М.И.Калинину. Я сам, будучи ребенком, видел и читал этот документ (хранился много лет у нас, но позднее затерялся). Как ни странно, единственным человеком, откликнувшимся на беду, стал Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Он ответил репрессированным, написав о «допущенном перегибе» и дал чердынским властям указание «снять обвинения» с деда. Что они фактически и сделали, хотя, дом назад не вернули и никого из ссылки не возвратили. Такая, вот, история.

В 2011 мы братом побывали в селе Федорцово Чердынского района Пермского края. Посмотрели на наш дом. О котором столько слышали всю свою жизнь! От отца, от вишерских родственников... Судьба нашей вотчины такова. До са-

мого последнего времени пятистенок этот, завершённый дедом в 1912 году (под крышей, на затесе чердачного бревна вырезан год окончания строительства: «1912»), использовался федорцовскими властями как общественно-полезное сооружение. Много лет в нём располагалась восьмилетняя школа, потом контора, почта, библиотека, опять школа, избирательный участок, аптека, снова контора... Сейчас дом наш, находясь с собственности сельского совета, стоит «без дела», отдыхая от трудов праведных...

Вотчина, 2011

И ещё... Кажется мне, что тогда, при первом, самом «свежем» прочтении в маминой тетрадке было на несколько ли-

стов больше, что пропало нечто важное. Хотя, может быть, мне это только кажется?

«Мятежники»

Уголь, Угол, Гольй

Мои основные детские прозвища: Уголь, Угол, Гольй. Как только не перевирали, не калечили фамилию мою – и Углицкий, и Угличевский, и Угликов, и Угольков... На каком только слог не лепили в ней ударений – и на первом, и на последнем, хотя правильный, легитимный вариант ударности – второй слог (Углицких). Сколько раз спрашивали, интересовались: «Фамилия у вас больно знаменитая... Не дворянских ли (вариант – княжеских) кровей, часом, будете?»

Нет, не дворянских, и, тем более, не княжеских. Ибо почти все известные мне по документам дореволюционные носители моей фамилии – из крестьян. Или же купеческого сословия. Мало того, твердо убежден я, что фамилия наша – поселенческая, земляческая. А еще ссыльная. А возможно, что и первоссыльная, поскольку появлением своим, а случилось это по моим предположениям в самом конце XVI века, «обязана» она одному важному событию в истории российской. Речь об убийстве (в том, что это было именно убийство, а не несчастный случай, не сомневаюсь я!) царевича Дмитрия в Угличе в мае 1591 года.

Почти все Углицких родом с западного Урала, где и про-

живают более или менее компактно в Красновишерском районе Пермского края. Но особенно много их в деревне Федорцовой, расположенной совсем неподалеку от места впадения реки Язьвы в реку Вишеру, что в нескольких десятках километров от старинного купеческого города Чердыни, в шестнадцатом веке – столицы Урала. Откуда пришли на берега Вишеры эти самые Углицких, отколь переселились, история, подоплека и обстоятельства переселения этого и станут предметом нашего дальнейшего разбирательства.

Уglich, Угол, Волга... Церковь царевича Димитрия «на Крови»

О том, что все Углицких имеют отношение к угличским событиям 1591 года я впервые услышал еще в далеком детстве. От отца, братьев его и сестер, от иных вишерских родственников, гостивших у нас в Перми. Рассказывалось одно и то же наше, фамильное, семейное предание, что давным давно жил, де, царь Федор, что убили в городе Угличе младшего братика его – царевича – мальчика, по имени Дмитрий (Митрий, Димитрий). Что разгневанные угличане самосудно казнили убийц. Что горожан тех оклеветали, перед царем Федором, который и повелел в наказание сослать их за Уральский камень. Что после отбытия немилости ссыльные остались на Урале, на Вишере, основав поселение свое, названное ими в честь царя Федора – деревней Федорцовой, из которой все мы, Углицких, и приходим. Обычно рассказ завершался демонстрацией паспорта очередного рассказчика, в котором в графе «Место рождения» значилось одно и то же: «село Федорцово, Красновишерского района Пермской области».

«Карнаухий» колокол в Церкви Димитрия «на крови»

Впрочем, кажется, первым «сказку» эту услышал я от Ивана Харитоныча (думаю, что даже раньше, чем от отца). Мой двоюродный дед по отцу был невысоким, худеньким, со словно бы высеченным из грубой, скальной породы лицом, многократно пересеченным, изрезанным глубокими оврагами морщин. Этот вишерский старожил любил по вечерам, примостившись на скамеечке или присев на корточки возле дышащей жаром печки, на чугунной дверце которой ближе к полуночи всегда начинала рельефно проступать, малиново светясь, пятиконечная звезда с надписью под одной: «Молотов, 1952», курить и рассказывать... Метались, как сейчас помню, тогда по стенам кухоньки нашей, обкле-

енной газетной желтью, красноватые отблески, всполохи огня, играли, куражились над лицом Харитоныча, еще больше возвышая острые, далеко выступающие дуги скул и оттеняя пропасти глазниц, особенно, когда смеялся он... В такие мгновенья Харитонович становился неуловимо похожим на щуку или вишерского хариуса.

В конце шестидесятых был я в гостях на Вишере у бабушки своей, Татьяны Яковлевны. Ни раз и ни два в ходе того визита в город Красновишерск возникало у меня ощущение, что фамилию мою носит едва ли не каждый десятый горожанин!

Единственное, кстати, чего я, слушая побаски Харитоновича и других вишерских гостей, никак не мог взять в толк – почему же село отцовское названо было в честь царя Федора? Ведь это же он обрек предков моих на такие мучения! За что же ему честь такая оказана? С каких коврижек обломилась?

Целым – был или нет? ЦК или ЧК?

Впрочем, услышанное в детстве мало отразилось на моей дальнейшей жизни. Я закончил школу, институт, начал работать врачом.

Только с началом перестройки появилась реальная возможность познакомиться с исторической, письменной, документальной основой семейных вишерских преданий, с фактической стороной дела. Началось все с карамзинской «Истории государства российского». Изучая этот труд, понимал я, что многое совпадало с уже известным мне по семейным моим преданиям. С другой стороны, узнал я и очень много нового о том, как все было, со всеми подробностями – и про дьяка Битяговского, и про мамку Волохову, и про поведение Шуйского, возглавлявшего тогда комиссию по расследованию обстоятельств так называемого угличского мятежа, и фактически оболгавшего, сдавшего ни за понюшку табаку, «моих» угличан. Поразила жестокость, с которой был фактически уничтожен в ходе едва ли не войсковой операции, древний город Углич, потрясала несоразмерность, неадекватность реакции властей на действия угличан, буквально пронзила дальновидность и басурманская расчетливость Годунова, провернувшего всю эту блестящую с точки зрения записного интриганства и исключительного злодейства многоходовую комбинацию, вознесшую в конечном счете его,

потомка татарского хана, на московский престол. Но многое – расходилось...

По всем умным книжкам выходило так, будто бы угличан угнали вовсе не на соляные уральские копи, а в некий город Пелым. Прочитав об этом, поначалу я даже расстроился. Это что еще за Пелым такой? Где искать его? В какой Тьмутаракани? Нет, так не должно быть, похоже, ошибся, ошибся Карамзин – вишерские, мои, вроде бы ни про какой Пелым не рассказывали (или упоминали, да позабыл я?).

Впрочем, при знакомстве с географическими картами, ситуация прояснилась. Выяснилось, что современный Пелым – это самая окраина Свердловской области, граничащая с Красновишерским районом Пермского края. Углич, кстати, тоже образован от этого слова, ибо расположен там, где течение Волги делает крутой поворот – угол. Это было, если не совсем уж «жарко», то, во всяком случае, очень «тепло». Выходило, что разделяет Красновишерск и поселок Пелым напрямую, через Хребет Уральский – несколько десятков километров! Ну, пускай, сто. А если это так, то это рукой подать, по уральским понятиям! Значит, действительно, фамилия моя – угличская? Значит, не ввали старики! И стал я себе, как мог, как умел, объяснять, сближать вишерские «сказки», услышанные в детстве, с новоприобретенными знаниями, полученными в ходе изучения исторической литературы.

Версия первая: Солянка, Соль Камская, ЧК и ЦК...

Во все времена власти избавлялись от самых опасных преступников, ссылая их на самые окраины своих территорий. В конце XVI века восточной окраиной государства Московского был Камень Уральский. Поэтому неудивительно, что часть угличских «мятежников» отправлена была именно туда. Что было дальше, чем занимались несчастливцы в глухой лихоманистой тайге мы наверняка не знаем, но вполне можем допустить, что часть их привлечена была к работам, в том числе и на соляных приисках, к тому времени уже давно и благополучно функционирующих.

Между прочим, соль в XVI веке – главная валюта, основная ценность государства. Те, кто в этом сомневается, может, если повезет, заглянуть в главное соляное хранилище тех лет. Расположено чудо сие и по сей день прямо под московской улицей Солянка, где ныне находится (согласно информации из передачи Московского телеканала) одно из хранилищ Главного Резервного Фонда России. Заглянуть, чтобы полюбоваться целым подземным городом, кирпичные стены которого, кажется, до сей день способны выдержать если не взрыв ядерной боеголовки, то уж как минимум осаду двадцатилетнюю с применением корабельной артиллерии. Посмотреть (по телевизору показывали и это)

на широкие подземные прощепы, по которым запросто, не задевая друг друга разъезжаются две груженные с верхом телеги... Так вот... К счастью, все на земле этой рано или поздно, так или иначе, заканчивается. Закончились, в конце концов, и тягостные годы неволи для ссыльных тех угличан. Со всей неизбежностью встал тогда перед ссыльными вопрос: что делать дальше? Возвращаться в родной Углич? («Дома – и солома съедома!»). Но там, поди, уже и пепелища родимые травую по макушку позаросли? К цыганке ходить не надо, чтоб догадаться о том, что думали об этом тогда далекие мои предки. Что наверняка посылали вскладчину, что называется, сбросившись или с оказией какой, но предварительно обязательно снаряжали лазутчиков, следаков на родину, дабы те поыскарили как там, да что... Чтобы повизнали, ждут их или нет...

Не сомневаюсь также в том, что невеселые получены были с родины вести, что самое печальное донесли вернувшиеся сыскари: мол, родители, если у кого и оставались, умерли от старости, болезней и переживаний, дети малые выросли или сгинули, а женки уже нашли себе других кормильцев – поильцев, из числа тех, кто поближе (с глаз долой – из сердца вон!), или поразъехались кто куда. Вот тогда, на сходе общем, малым землячеством своим и сделали для себя угличские тот тяжелый, но единственно возможный в тех обстоятельствах выбор – от добра добра боле не искать, а обжиться тут, где Бог дал.

Механизм такого расселения, технологии подобных миграций стары как мир, и непрерывно воспроизводимы на протяжении всей истории российской. Далеко за примером ходить не надо: вот семейство Курановых, что из города Рыбинска, вынужденно оказалось в Башкирии в войну. И осталось жить на новой родине. Скорее всего, точно так же поступили в том далеком своем времени и угличские сидельцы.

Как и всегда, когда решают обустроиваться на новом месте, первым делом это самое место выбирают. Требования наверняка должны были быть следующими:

– Близость реки. Река – кормилица, поилица, река – основная связь с окружающим миром. Зимой – по льду, летом – на лодках. Река – это и «почта», и «гастроном» и «кладовая» и «междугородняя трасса».

– Обилие лесов, обилие лесов. Это – будущее жилье, отопление, пища (мясо, грибы, ягоды), это – основной производственный комплекс (лыко, мед, зверодобыча), это бечева, которую тогда можно было легко обменять на диковины цивилизации – гвозди, порох, упряжь, оружие, да мало ли на что еще. Это же и главный источник «валюты» – мех (белка, куница, соболь), и «аптека» (травы, ягоды, медвежье и кабанье сало).

– Наличие неподалеку выходов на поверхность солевых пластов (главной, повторюсь, ценности того времени).

– Наконец, желательно, чтобы новая родина, пускай, от-

даленно, но напоминала бы бывшую. Наверное, место, избранное ссыльными для поселения (будущее село Федорцово) сполна отвечало вышеперечисленным требованиям. И – пошло строительство: лес валили, важили, корчевали, потом на образовавшихся в результате этого лядях (местах, освобожденных от леса, на полянах посреди тайги, пармы), ставились избы, сараи, сенники, бани, загоны для скотины, амбары для хранения припасов. Постепенно, методом народной дипломатии началось взаимовыгодное общение с населением окрестных поселений, натуральный обмен и денежное обращение, сватовство, сродство. А кем, скажите, были эти пришлые, пригнанные под конвоем люди для аборигенов, сиречь, жителей местных? Как старожилы вишерские могли промеж себя величать этих новопоселенцев, что из города Углича? Да Угличскими, конечно же! Независимо от того, какие бы там эти сноровистые новосельцы промеж себя фамилии не носили. «Надо будет съездить, паря, днями к угличским, а то у нас мед, бражка закончились (варианты: за лыком, за берестой, за дегтем)». Или: «Ой, смотрите, опять угличские приехали!»

Так появилась «заготовка» будущей моей фамилии. Почему заготовка только, да не вся фамилия? Да потому что, пока выговоришь эти самые: «угличский», «угличские» – язык поранишь о колючее, костлявое, как хариус, сочетание «чс»! Чтобы сделать новое слово своим, уральским, надо было его сначала «прописать»: обкатать, как гальку на вишер-

ских перекатах, отшлифовать, отполировать до совершенства. Чтоб ни за что язык не цеплялся! Процесс такой адаптации слова, «дошлифовки» его во всех странах и во всех языках примерно один и тот же: труднопроизносимое заменяется на более удобовыговариваемое. Происходит это чаще всего за счет слияния или путем усечения лишних, или, в конце концов, замены неукрошаемых, сопротивляющихся упрощению труднопроизносимых элементов. Так, к примеру, в средней полосе России «Ока луговая» постепенно превратилась в «Калугу», а «Ока широкая» – в «Каширу». Так вологодчане (жители Вологды) стали вологжанами (вологодцами) ... Но на что можно было заменить сочетание согласных «чс»? Правильно – на мягкое «ц». Что это даст? Слово укоротится на целый звук. Это уже хорошо. После замены оно сразу становится «легче», распевнее. Как будто бы раскрывается, как бы допуская особую плавность и протяжность произнесения. Одновременно, на сибирский манер изменяется и окончание («ий» на «их»). Это нововведение ни на йоту не улучшает фонетических свойств, наоборот, как мне представляется, приводит даже к некоторому откату от принципа благозвучности, но что же делать, если окончание «их» – это, в конце концов, есть ничто иное, как своеобразный товарный знак, некий бренд, если это, по сути, древний аналог нынешнего современного *made in Sibiria* (сделано в Сибири), призванный прямо указывать на место рождения, появления слова на свет.

Параллельно, опять же на сибирский манер, со своего абсолютно логичного и законного первого слога (Углич) смещается на второй и ударение: Углицких (для сравнения: КосЫх, ЧервОных). Так фамилия приобрела свой теперешний, современный вид. Но это лишь один из вариантов. Возможно, что все было еще проще. Что никакой замены не было во-все, потому что нечего было заменять. Что изначально сразу же были только Углицкие, что никаких Угличских не существовало. Сам видел картах старинных город Углиц, а во-все не Углич! Потому что грамматические нормы написания к тому времени еще окончательно не устоялись. И полки были тогда Углицкими, а не Угличскими, и ополчения, и князья назывались то Углицкими, то Угличскими.

Эта «путаница» с буквами в фамилии стала возможной, очевидно, в связи с особыми отношениями, всегда существовавшими между буквами «ч» и «ц» в русском языке. Чтобы понять, что буквы эти – смысловые и писательные сестры – близняшки, что они почти полные «двойники», явно дублирующие друг дружку, достаточно повнимательней присмотреться к ним, особенно, при написании их от руки. Мало того, выясняется, что замена «ц» на «ч» или наоборот в абсолютном, подавляющем большинстве случаев ни на йоту не меняла и смысла сказанного! Ну, назову я, скажем, цыплят – чиплятами. Конечно, это будет не литературно, неграмотно, может быть, но, все равно, в российской деревне, в Воронеже ли, Вологде ли – уверен в том абсо-

лютно – поймут, разберутся без переводчиков о чем я имею речь. История трогательного соперничества букв этих, ненавязчиво, наивно пытающихся подменять себя собою же при каждом удобном случае отчетливо прослеживается при чтении тогдашних летописей и документов. При этом справедливости ради необходимо отметить, что вся эта игра – борьба внутри одной и той же по сути своей буквы, просто имеющей два очень похожих варианта написания, почти никогда не переступала «крайней» черты, не переходила грани между ревностным, но безобидным «подсиживанием» своей близкородственной подружки – соперницы (ну, подумаешь, то Углиц, то Углич скажут, то чеши у Аввакума, то цепи, – смысл сказанного не менялся!). Развел ретивых «сестричек» по разные стороны баррикад лишь пресловутый «октябрь семнадцатого года» XX века, когда с появлением аббревиатур ЦК (Центральный Комитет) и ЧК (Чрезвычайная Комиссия) детские писательные игры в подмены без потери смысла закончились раз и навсегда... Но даже если я ошибаюсь относительно роли и места всех этих «ц» и «ч», все равно прошу я вас, цитатели дорогие мои, не чепляйтесь ко мне за это!

Так постепенно день за днем, год за годом, сруб за срубом, зарождалась новая жизнь угличских горожан, возникла и развивалась на Урале новая историческая реальность – угличская диаспора. Очевидно, угличские поселенцы не состояли в родстве за исключением случаев сродства еще с тех,

«довишерских» времен (родные братья, сестры, дети, матери, отцы). Объединило и сплотило их, заставило быть вместе, принять общую судьбу, новую свою родину, фамилию стремление выжить (на миру и смерть красна), общность интересов и территориальные корни (землячество) и общая, за малым, не трагическая судьба (ссылка). Землячество так же, как и вынужденная миграция – одна из наиболее часто встречающихся форм существования, выживания в мировой истории вообще и русской – в частности. Вот и в маминой рукописи все подростки из рода Курановых по достижении трудоспособного возраста направляли стопы свои в столицу (владимирское землячество). Были в дореволюционной столице России и ярославские землячества, и вологодские, и угличские. И сейчас во всех городах мира существуют зоны компактного проживания различных этнических групп и диаспор.

Таким образом, фамилия Углицких, действительно, сравнительно молодая, земляческая, изначально включившая, вобравшая в себя людей, сплоченных в той исторической теснине и мясорубке, в которой оказались они, по меньшей мере, в связи с тремя обстоятельствами: общей прародиной, общей, одной на всех, бедой, и общей же надеждой – выжить. Не знаю, есть ли в самом Угличе – Углицкие, но Углицких – это горсть земли угличской, навсегда ставшая частью Земли Уральской, это капля крови несчастного Дмитрия, силою трагических обстоятельств запекшаяся на скаль-

ных утесах Полюдова Камня, растворенная в хрустальных вишерских водах, и в этом смысле вишерские Углицких – полноправная, полновесная и самодостаточная часть истории российской. Мне представляется, что даже если в деталях, в частности, было вовсе не так (а выше приведены, конечно же, гипотезы только, возможные реконструкции событий), то в главном – в извечном стремлении человека оставаться человеком, в любых условиях, даже самых невыносимых, не ошибся я в земляках, в самоценных и драгоценных, «знатных» и «именитых» угличанах своих...

Биармия или бешеной собаке сорок верст – не крюк!

Впрочем, разговор еще далеко не завершен. Раз вкусив запретный плод, хочется еще и еще! Ведь за рамками остается еще немало крайне важных вопросов. Например, каким путем шли ссыльные? С позиций сегодняшнего дня вопрос кажется наивным – купил билет, сел в поезд и поехал (не забыть бы только, что вагон – ресторан располагается в седьмом по счету от головы поезда вагоне, а то больно уж в поезде пить – есть хочется всегда).

А тогда? В исторических документах весьма ярко описан процесс наказания . . . колокола, созвавшего угличан на место гибели малолетнего царевича: как, медному, за это вырвали язык, обрубили ухо, как высекли, мятежный, и отправили в Тобольск. О людях же – или ничего, или почти ничего: гнали, мол, пешком. . . Ну, то, что не на лимузине везли с шампанским и цветами на заднем сиденье – это понятно. . . Но куда гнали, вот в чем вопрос – на соляные копи или же в Пелым? И почему именно в Пелым? И сколько этих страдальцев всего было? И кто они были? Как одеты, во что обуты? И сколь времени шли? Ох, уж эти вопросы! Расползаются, как дороги от Москвы Белокаменной – во все стороны света. Чем дальше – тем больше! Причем число вариантов возрастает на каждой последующей логической развилке в гео-

метрической прогрессии! Вот, кстати, еще один: а была ли вообще дорога в Сибирь в те времена? А, может быть, часть пути была проделана по воде? А что, уж больно соблазнительным представляется мне, дилетанту от истории, следующий речной «круиз»: из Углича Волгой (вниз по течению, «под горочку») до места впадения последней в Каму, точнее, по официальной версии – до впадения Камы в Волгу, далее Камой вверх по течению до Вишеры и Колвы с Чердынью? А почему бы и нет? Явных, принципиальных препятствий для такого похода в 1591 году, то есть, спустя почти сорок лет по взятии Казани войсками Иоанна IV (1552 год), как будто бы не было! Или же – топали посуху? Хорошо, пускай сушей, но тогда – как, по какому маршруту? Попытки разрешить сомнения, что называется, с ходу оказались несостоятельными. Стало ясно: для того, чтобы найти искомые ответы (пусть не на все вопросы, пусть хотя бы на часть), придется «входить» в плотные слои исторической и географической атмосферы того времени, входить, даже рискуя «сгореть» в них насовсем. А что делать прикажете, если и впрямь бешеной собаке сорок верст – не крюк!

Биармия – Великая Пермь

Решено – продолжаем... Итак, XVI век преобразил и увеличил землю Русскую. По состоянию на 1530 год (год появления на свет Ивана Грозного) в Московское государ-

ство входили следующие княжества: Ярославское, Ростовское, Тверское, Черниговское и Новгород – Северское, Смоленское, Рязанское, Верейско – Белозерское, Пермская (Коми) земля и Псковская республика. (Вот как славно поработали в подотчетных периодах своих управлений тогдашние государи – как расплодили землю свою, вон сколько ее при них прибыло: меньше, чем за двести лет утроили, учетверили. Не чета нынешним!).

Не подкачал и Иоанн IV – прибрал к рукам и Казанское (1552), и Астраханское (1556) ханства. А в 1581 году во многом благодаря варяжской настойчивости и молодецкой удали Ермака Тимофеевича, речь о котором еще впереди, начинается активное освоение Сибири. Последней сибирской новостью ко времени описываемых событий явилось основание казачьим головою Даниилом Чулковым города Тобольска (1587). Именно поэтому и колокол был сослан именно туда – ведь Тобольск юридически и географически в 1591 году являлся крайним форпостом Руси на Востоке, острым клином, вонзившимся в мягкое «подбрюшьё» Сибири. А что же происходило в то время на Урале – батюшке?

На картах того времени весь северо-восточный угол Московии занимает Новгородская земля, помеченная как присоединенная (1478), в которую вошли территории теперешних Пермской, Кировской, Архангельской областей, а также Республики Коми. Все эти земли, вплоть до середины тринадцатого века были плотно связаны с понятием Биармии

(Перми). Именно с понятием, а не с конкретным государственным образованием. Ибо, согласно Брокгаузу и Эфрону, «Биармия (Биармландия; Beogmas – на англосаксонском наречии) – скандинавское название страны, ни пределы которой, ни население, ни культура, ни даже самое название до сих пор не имеет в исторической науке более или менее положительных определений». Но нас мало интересует мифология, нам же «мясо», нам же конкретику подавай! А она заключается в том, что одни исследователи придерживались того мнения, что «Пермь» есть не что иное, как испорченное скандинавское имя «Биармия», русская переделка скандинавского названия. Еще она заключается в том, что «народ Пермь имел очень древнюю культуру, промышленял горным делом и вел торговлю с болгарами, скандинавами и, вероятно, славянами. К тому же Биармия простиралась от берегов Северной Двины на восток, может быть, до самого Уральского хребта, и в состав ее входила нынешняя Пермская губерния». В дополнение к этому мнению следует привести не менее основательное заключение профессора Н.П.Кондакова (1844—1925) о торговле Биармии – Перми, к которому пришел тот после тщательного рассмотрения археологических находок Пермской губернии: «С конца классической эпохи в течение Средних веков существовали деятельные торговые сношения Пермского края с Востоком и Западом, причем главным путем служили Кама и Волга, и затем от устьев этой последней реки – с одной стороны Каспийское море для сно-

шений с Персией, а с другой стороны Черное море для сношения с Византией»⁸.

Таким образом, как бы там ни было, речь действительно идет о гигантской территории, населенной, в том числе, и финно – угорскими племенами. Финно – угорские корни Биармии, в частности, гидронимические, выдают себя в названиях рек с окончанием на «ва» и «ма» («ва» – финск. «вода»): Колва, Сылва, Язьва, Мойва, Кама и т. д.

С другой стороны, вытянувшаяся на тысячи километров вдоль Уральского Камня, Биармия стала «хордой», «позвоночником», «становым хребтом» протяженного маршрута средневекового торгового сообщения – так называемого пути из «варяг в персы» (из «персов в варяги»). (Скандинавские страны – Белое Море – Сев. Двина – Печора – Вычегда – Вишерка – Колва – Вишера – Кама – Волга – Каспийское море – Персия). Иными словами, торговое «кровообращение» в те древние времена между севером и югом тогдашней восточной Европы осуществлялось при посредстве, как минимум, двух почти равноценных кругов «кровообращения»: большого (из варяг в персы) и малого (из варяг в греки). Оставим в покое круг малый: об него и без того измочалили языки все, кому не лень. А вот большой незаслуженно, по мнению моему, забыт. А между тем, из Персии в древ-

⁸ «Русские древности в памятниках искусства». – вып. 3, изд. 1890 г.; Дмитриев А. «Пермская старина». – вып. 1, изд. 1889.; Смышляев Д. «Источники и пособия для изучения Пермского края». – Пермь: 1876.

нюю Скандинавию испокон веку шли караваны, двигались суда, нагруженные коврами, имбирем, ювелирными украшениями...

Условная реконструкция пути «из персов в варяги»: древний «персиянский» караван медленно поднимается к северным «полуночным странам» вдоль Уральского хребта.

Материальными свидетельствами функционирования этого большого биармического цикла товарообращения являются, в частности, многочисленные находки в селе Губдор Чердынского уезда, и в самой Чердыни персидских монет и ювелирных украшений династии Сасанидов (224—651 г. н.э.).

О Биармии, такой мифической и реальной, прочел впервые я в книге В. В. Косточкина «Чердынь, Соликамск,

Усолье»⁹. А «встретился» с этой прекрасной книгой при несколько странноватых обстоятельствах, запавших в память навсегда.

Обучаясь в столичной клинической ординатуре, любил я, особенно в выходные или свободные от дежурств дни, бродить по Москве. Просто. Гулял. Нравился город, старинные дома, все эти переулки и переулочки Кривоколенные или Спасоголенищевские:

Москва

*Возочком скрипучеколесным, репейным
Катится по гулким
Всем Кривоколенным, Разбитоколейным
Твоим переулкам
По дремлющим словно века, мостовым
Кольчужно – булыжным...
Когда ж мы с тобой наконец убежим
За Солнцем надкрышным?
А может быть, здесь, на московском ветру
Когда – нибудь ляжем
На дно переулков снежском ввечеру
Лебязьим в Лебязьем?
Иль будем лениво лежать цельный день
Лежмя на Ленивке,
Смакуя московскую ситную лень,*

⁹ Косточкин В. В. «Чердынь, Соликамск, Усолье». – Москва: СтройИздат, 1986, с.8

Как взбитые сливки?

И мучась одышкой, ссыхаясь как бред,

Совсем стариково

Гадать: пошутил или нет терапевт

Насчет Востряково?

Однажды «воскресные» ноги занесли меня на Кузнецкий мост. Очень уж заинтересовало сие удивительное название. Я не обнаружил на Кузнецком мосту никакого моста, и уже совсем было засобирался восвояси, как вдруг увидел магазин «Книжная палата». Что это такое? Подошел поближе, к магазинной витрине, глянул и обомлел! Сквозь толстое витринное стекло меня буквально «прожигала» пронзительным взглядом («вот я, здесь! Покупай, покупай же, скорей!»), книга «Чердынь, Соликамск, Усолье»! Невероятно! Надобно же было случиться такому: словно Бог надумил меня в ту осеннюю слякоть оказаться на Кузнецком, чтобы почти физически, воочию ощутить, почувствовать, поддержку земляков моих, вишерцев! Преодолев расстояния и пространства, разделявшие нас, они словно бы «прибыли» в столицу третьего Рима поддержать меня: «Мы здесь, паря! Держись, Вишера!» Оказывается, и такое бывает!

Щипок, берсень, шабол

Нет бессмысленных названий рек, озер, городов, сел, улиц, переулков. Есть названия уже, увы, не прочитывае-

мые по причине утраты, забвения за давностью лет смысла древних слов. Один из самых татарских районов Москвы – пресловутый треугольник Таганка – Павелецкая – Якиманка. Улицы и переулки тянутся здесь, как реки – широко и вольно, мирно соседствуя друг с дружкой: Ордынки (Большая и Малая), Татарские переулки (Большой и Малый) ... Рядом, неподалеку – Толмачев переулок («толмач» – устный переводчик). Почему? Да потому, что некогда сударыня Москва именно этим «бочком» своим соседствовала с Ордой, со Степью. Посему и места эти были столь облюбованы татарскими мурзами, дипломатами, ремесленниками, купцами, торговцами, оружейниками и воинами – «контрактниками», регулярно нанимаемыми Московией для своих ратных нужд и потребностей.

Неподалеку от Павелецкого вокзала расположены и Зацепский вал («зацепщик» – таможенник), и переулок Щипок («щипок» – длинный шест, которым таможенники протыкали въезжающие в Москву возы с товарами, выявляя запрещенные предметы). А рядом – рукой подать! – Таганка (татар. «таган» – подставка под котел) и Якиманка (в переводе с татар. «гнилое, болотистое место»).

Любопытны и топонимические корни БерсЕневской набережной. На первый, так сказать, слух – название как будто бы татарское. Ан нет, шалишь! Оказывается, «берсень» – это в древности «крыжовник» и поэтому БерсЕневская набережная – «Крыжовникова» и никакая другая.

Долго пытался я разгадать значение слова «Шаболовка». Нашел у В.И.Даля. Оказалось, «шабол» – в старину – «баклуша, осиновый чурбан, из которого делают щепенную посуду»¹⁰.

¹⁰ В.И.Даль. Словарь Великорусского языка (<http://v-dal.ru>)

Столицы Урала. Вишерская и Бабиновская дорога в Сибирь

Для того, чтобы иметь представление как и чем жили новопоселенцы на Урале, не лишним было бы обратиться к дореволюционному еще описанию Чердынского уезда в главной энциклопедической ценности 1913 года, словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона¹¹:

Итак, «река Кама разделяет уезд на две части: восточную – более возвышенную и гористую, и западную – более низменную и равнинную по преимуществу. Границей этих двух частей являются высоты так называемого «Полюдова Камня» – кряжа, тянущегося с северо – запада к юго – востоку, сюда входят: Полюд и Ветлан на реке Вишере, Боец на реке Колве. Продолжением этого кряжа к юго – востоку служит Помяненный камень и другие возвышенности, тянущиеся к югу, и, несомненно, являющиеся предгорьями Урала. Скалистый Полюдов Камень, напоминающий своей формой монолит памятника Петру Великому в Санкт – Петербурге¹², имеет 1720 футов абсолютной высоты¹³. Близкое соседство гор оказало существенное влияние на начало и направление

¹¹ Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, 1913. (<http://www.vehi.net/brokgauz/>)

¹² Сходство поразительное.

¹³ 527 метров

рек в восточной части уезда.

Главная река этой части – Вишера – начинается у подошвы Оше – нер и, направляясь на запад, как бы перерезывает Урал. Она «течет в крутых и нередко скалистых берегах и имеет быстрое течение, особенно в своих верховьях, где падение ее настолько значительно, что едва позволяет пробираться по ней в лодках, управляемых шестами». Наличие же удобных притоков, в частности, реки Вишерки, обеспечивает «удобный водный путь для торговых сношений с Севером, с Белым морем, с Печорским бассейном». А вот с почвами далеким предкам моим, пожалуй, не повезло: они, по преимуществу «относятся к почвам северного типа; их северный характер сказывается в малой мощности и недостаточной инфильтрации перегнойными соединениями. Зато много лесов: «господствующим типом является елово – пихтовый, но к нему очень часто и в значительном количестве примешивается сосна, реже лиственница и кедр. Нередко елово – пихтовый лес растет на болотистой местности и тогда получает название согры, а произрастая по горам, получает название пармы».

р. Вишера. На берегу видны родники. Это благодаря им вишерская вода всегда холодная, почти ледяная. Вдали на горизонте – Полюдов камень. Красновишерск, поздний вечер, конец июня 2011 г.

А тепло ли в Чердынском крае? Оказывается, не очень: «средняя годовая температура в северных частях уезда равна -1°C и ниже, в южных от $+1^{\circ}\text{C}$. до $+2^{\circ}\text{C}$.; для города Чердынь $-1,1^{\circ}\text{C}$ ». Зато в лесах раздолье и изобилие всего и вся: «медведи, волки, лоси, олени, соболи, лисицы, куницы, горностаи, росомахи, выдры, норки, рыси, белки, зайцы; из птиц – рябчики, тетерева, глухари, куропатки и другие породы. В водах уезда водятся линь, белорыбица, осетр и стерлядь, затем – щука, карась, ерш, окунь, налим, хариус, язь,

лещ, судак и другие виды мелких рыб».

Но постойте, ведь данные эти интересуют нас вовсе не абстрактно, а именно в сравнении с Угличем! Насколько хуже (или лучше) природа новой родины в сравнении с угличской, вот в чем вопрос! Имеются аналогичные развернутые описания и характеристики Угличского уезда, относящиеся так же, как и в предыдущем случае, к тому же 1913 году. Сравнительное изучение их показало (уж поверьте мне на слово), что отличия, конечно, есть, и они по большей части не в пользу Чердынских земель (ибо те севернее, климатически суровее), однако в то же время не носят они принципиального, так сказать, характера. Впрочем, у новопоселенцев, похоже, не было выбора¹⁴...

А знаете, что для меня лично является самым любопытным в истории Урала? То, что освоение его шло не с юга на север, как положено по здравому смыслу, а совсем наоборот, казалось бы, вопреки таковому – с севера на юг! Поначалу полагал я, что случилось так потому, что история Урала при всей значимости рудных и ископаемых залежей и богатств его, всегда была историей поисков удобных путей сношений с Сибирью, то есть историей волоков, проездов, трактов, почтовых и железных дорог. Например, во времена, когда столицей Урала была Чердынь (XV – XVI века), таким путем была так называемая Вишерская дорога (Черды-

¹⁴ Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, 1913. (<http://www.vehi.net/brokgauz/>)

но – Лозвинский путь), единственный известный тогда путь в Сибирь, шедший «через Уральский хребет от реки Вишеры по долине Велсуя к реке Почмогу, а затем через Урал на реку Ивдель, приток Лозвы»¹⁵.

**Начало Вишеро-Лозвинской дороги в Сибирь:
«Москва – 1781 верста, Тобольск – 1328 вёрст». Чер-
дынь, 2011**

¹⁵ современное название реки: Лозьва.

Пользовались ей в самом начале и до 1598 года, когда по установлении Бабиновской дороги движение стало совершаться уже по последней. Появление Бабиновской дороги, представляющей собой прямой путь из Соликамска в Верхотурье, ставшей после вишерской дороги главным почтовым трактом в Сибирь, окончательно подорвало могущество Чердыни. Новой столицей Урала стал город Соликамск.

Бабиновская дорога была «указана правительству в 1595 году соликамским жителем Артемием Бабиновым как более прямая, и расчищена под его руководством – сначала от Соликамска до реки Туры в 1597 году, а затем до Тюмени.

«Начало первой версты Государевой (Бабиновской) дороги». Соликамск, 2011

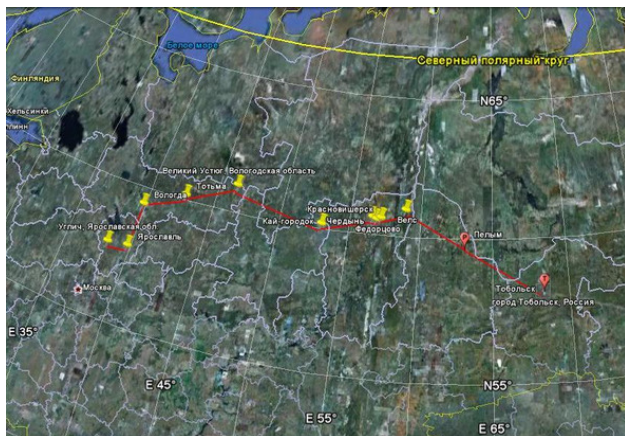
В царствование Петра Великого на этой дороге была уста-

новлена почта. В 1745 году почтовый путь разделился на два: легкая почта (казенные бумаги, частные письма) была направлена через Екатеринбург (Нижний, Кунгур, Екатеринбург, Тобольск), а остальное должно было двигаться по Бабиновской дороге». На это время столицей Урала стал город Кунгур, что на юге Пермского края. И только с 1781 года полномочия столицы Урала перешли к городу Перми.

А потом открыл я для себя, что развитие «с севера на юг» – явление вообще типическое, характерное не только Урала, но и для всей европейской России в целом. Ведь до XVI века жалась, теснилась она исключительно в северных своих пределах. Южные, плодородные степи были вотчиной кочевников, с юго – востока почти вплотную подступала Орда (точнее, Орды), с запада – давила могущественная Литва и задиристая Польша. Поэтому основными векторами развития России, начиная с XVI – XVII века, стали южный (в европейской части) и восточный (в Сибирь!). Так что и удивляться, как оказалось, нечему...

Этот краткий историко – географический экскурс пополнил нашу «копилку» несколькими важными открытиями. Первое. Чердынь, столица бывшей Биармии и столица Великой Перми, являлась центром огромного региона, имеющего древние связи как со Скандинавскими странами, так и с Прикаспийскими державами. Второе. Чердынский край суровый, но вполне пригодный для жизни. Обилие рек, лесов, природного сырья, зверья и птицы, наличие удобных со-

общений как с европейской Русью, так и с Сибирью, делало его весьма привлекательным для построения поселения. Третье. Из Углича 1591 года можно было попасть в Сибирь только по Старому Великому Сибирскому пути: Ярославль – Вологда – Тотма – Великий Устюг – Кай – Чердынь – Вишерская (Чердынско – Лозвинская) дорога: «от Чердыни (по рекам Колве, Вишере, ее притоку Велсую), а после перевала через Уральский хребет – по сибирским рекам Тальтии и Ивделю до города Лозвинска. Потом – вниз по рекам Лозве, Тавде и Тоболу до Пелыма и Тобольска». И, наконец, самое важное: угличские этапные, следуя в Сибирь, ну никак не могли миновать ни города Чердыни, ни реки Вишеры, ни устья реки Язвы, возле которого и донныне расположено село отцово Федорцово.

Великий Сибирский путь XVI века: Ярославль – Вологда – Тотьма – Великий Устюг – Кай – городок – Чердынъ – Чердынско – Лозвинская дорога: р. Вишера с притоком Вилсуй – р. Лозва – р. Тавда – р. Тобол – Пелым – р. Тобол – Тобольск.

Доказательство «от невозможности объяснить никакими иными...»

Существуют немало разных доказательств существования Бога: чудеса, откровения и так далее. К сонму самых авторитетных, признанных, почти что научных, по мнению английских философов Дженни Тейчман и Кэтрин Эванс, следовало бы отнести, например, так называемое онтологическое доказательство существования Бога («от совершенства»), впервые предложенное раннесредневековым схоластиком Ансельмом Кентерберийским (1033—1109 гг.)¹⁶. Останавливаться на этом более подробно не имею я никакой возможности, отсылая любопытствующих к специальной литературе, благо много ее сейчас. Скажу лишь, что и эта, упомянутая выше, самая «совершенная» на сегодняшний день, «онтологическая» система аргументации в пользу существования Всевышнего, даже в гораздо более поздней своей модифицированной версии (Лейбница, если не ошибаюсь),

¹⁶ Дженни Тейчман и Кэтрин Эванс «Философия для начинающих» (<http://www.studfiles.ru/preview/882959/>)

на поверку оказалась ошибочной (новейшие исследования обнаружили в ней ошибку, возникшую вследствие некорректного, неправильного использования одного из предикатов логики).

А между тем, как представляется мне, правильное, корректное доказательство существования Бога есть. И доказательством таким являются, на мой взгляд, все те события, явления и случаи, которые невозможно объяснить никакими иными причинами, кроме существования (вмешательства) Бога. Пока не очень понятно? Тогда – по порядку.

Каждый день в мире происходят тысячи событий. Одни из них мы можем предсказать, например, время приливов и отливов, продолжительность светового дня и так далее. Наступление других мы предугадать наверняка не можем, но зато имеем возможность потом, задним числом, ретроспективно объяснить, растолковать, почему произошло именно так, а не иначе, руководствуясь имеющимися в нашем распоряжении знаниями, представлениями, историческими аналогиями и тому подобное. Но иногда случаются такие вещи, происходят столь невероятные события, объяснить которые, даже при всем нашем уважении к науке, даже при всей изощренности нашего воображения, даже опираясь на всю колоссальную сумму знаний об окружающем мире, накопленных цивилизацией, мы не в состоянии.

В одном из разделов значительного труда К.Е.Еськова «История земли и жизни на ней», а именно, в главе чет-

вертой оной, озаглавленной «Происхождение жизни: абиогенез и панспермия», приводится любопытный аргумент: «Известна такая аналогия: вероятность случайного возникновения осмысленной аминокислотно – нуклеотидной последовательности соответствует вероятности того, что несколько килограмм типографского шрифта, будучи сброшены с крыши небоскреба, сложатся в 105 страницу романа „Война и мир“. <...>. Сейчас всем понятно, что это просто несерьезно: потребное для этого время (его вполне можно рассчитать) на много порядков превосходит время существования всей нашей вселенной (не более 20 млрд лет). В результате мы оказываемся перед необходимостью признать прямое вмешательство в этот случайный процесс Бога (тут можно придумать любые другие эвфемизмы, но суть от этого не изменится)»¹⁷.

А вот еще два примера. На окраине земли, в Земле Аравийской, жил мальчик по имени Мухаммед. Он – круглый сирота, его родители умерли, когда ему было 6 лет. Мухаммед не знал грамоты. Впрочем, как пишет Макс И. Даймонт в своей книге «Евреи, Бог и История», «это упущение было исправлено позже. Мухаммед постиг науку чтения с помощью чуда. В возрасте 12 лет мальчик побывал с караваном в Сирии, где имел возможность впервые познакомиться с еврейской и христианской культурой. <...>. Мухаммед гордил-

¹⁷ К. Е. Еськов «История земли и жизни на ней» (<http://evolution.powernet.ru/library/eskov/index.html>)

ся своей принадлежностью к арабам, но в то же время осознавал незрелость арабского религиозного язычества и отсутствие национального чувства у собратьев своих по крови». «Однажды, когда сорокалетний Мухаммед, сидя в пещере, – продолжает Макс И. Даймонт, – размышлял о путях спасения своего народа, ему явился Бог. Как некогда Аврааму, Моисею и Иисусу, Бог открылся теперь и Мухаммеду. На этот раз он явился в виде ангела Гавриила. В «Коране», в дальнейшем написанном самим Мухаммедом, рассказывается о том, что Гавриил показал Мухаммеду скрижаль. Что, несмотря на неграмотность, Мухаммед оказался способным прочесть ее. Что надпись на скрижали свидетельствовала: «Аллах, истинный Бог, назначает Мухаммеда своим посланником на земле»¹⁸. Дальнейшее, известно уже, по меньшей мере, доброй четверти сегодняшнего миронаселения. Оценивая деятельность Мухаммеда, Уилл Дюрант замечает: «Если судить о величии по достигнутым результатам, то Мухаммед – один из величайших людей истории. Мухаммед был победоносным словом Аллаха. Его друг и преемник Абу Бекр был «победоносным мечом». Итог: «В шестом веке арабы были кочевниками в пустыне. В седьмом веке они стали завоевателями мира. В восьмом – это были уже владыки империи, в которой Средиземное море стало средиземным озером. В девятом – то были знаменосцы блестящей цивилизации, задававшие тон в искусстве, науке и ар-

¹⁸ «Коран» (<http://librebook.ru/quran>)

хитектуре. Все это происходило в то время, когда Европа все глубже и глубже погружалась в мрачную трясиину, которую сама себе уготовила. Одна за другой покорялись арабам страны, лежащие на победоносном пути их конницы: 632 г. – Дамаск, 638 г. – Палестина, 640 г. – Сирия, 641 г. – Египет. Персы (Сасаниды) пали в 636 г. К 700 году нашей эры восточная часть Византийской империи и вся Северная Африка стали добычей мусульман. В 711 г. объединенная армия арабов и берберов вторглась в Испанию...»¹⁹.

С 1939 по 1942 год на севере Англии под аккомпанемент сирен воздушной тревоги и разрывы немецких бомб, почти каждую ночь падающих на портовый город Ливерпуль, появляются на свет самые обычные, казалось бы, младенцы. Их четверо: Джон, Пол, Джордж и Ринго. Трое из них – из рабочих семей, половина – воспитывалась с ранних лет в неполных семьях: без отцов, или матерей. Они были не то, что бы уж плохими, нет, просто вели себя как многие их сверстники – аборигены рабочих портовых окраин в то тяжелое время: воровали, хулиганили, плохо учились (или не учились совсем), рано познали вкус запретных удовольствий взрослой жизни... Никто из них так и не получил высшего образования, а двое – остались даже без общего среднего. Они не знали нот и никогда не переступали порогов музыкальных школ, училищ и консерваторий. И, тем не менее, по проис-

¹⁹ Макс И. Даймонт «Евреи, Бог и История» (http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/11793/fulltext.htm) 1

шествии всего лишь двух десятилетий, по признанию многих авторитетных мировых музыкальных критиков, именно эти британцы были признаны (и совершенно заслуженно!) величайшими композиторами двадцатого века, а имена их навечно вписаны в золотые скрижали мировой музыкальной культуры и анналы наивысших достижений человечества. Речь, конечно же, идет о знаменитой битгруппе «Битлз».

Легендарная ливерпульская четверка «шагает» по родному городу...

А теперь скажите, возможно ли объяснить все эти феномены только земными причинами, случайным совпадением,

невероятным везением, удачным сочетанием внешних обстоятельств? Нет, все объяснить невозможно. Произошедшее – вне рамок человеческого разума, вне границ традиционной логики, за пределами наших обыденных представлений о жизни. Стало быть, речь идет о некоем Божественном вмешательстве в дела земные. Поэтому, все эти экстраординарные случаи, сами по себе являются подтверждением того, что Бог есть, что Он – существует! В моем представлении, во всяком случае.

А теперь настало время, что называется, «раскрыть карты» и сообщить, что затеял я разговор этот о «доказательстве от невозможности объяснить» вовсе не из желания прослыть теософом – первопроходцем. Произошло это лишь потому, что уж очень хочется мне рассказать о подлинном первопроходце, Пионере Земли Русской, человеке, миссионерский подвиг которого, ратную доблесть и человеческие добродетели, по мнению моему, невозможно объяснить никакими иными причинами, кроме Божественного Вмешательства, Помощи и Вразумления. Ибо словцо мое будет об атамане Ермаке, сыне Тимофеевом. И подвигли меня к нему два очевидных обстоятельства.

Первое заключается в том, что имеет отношение Ермак к событиям углицким, хоть и опосредованное, но имеет. Во вторых, считаю я, что достоин атаман – князь быть причисленным к лику святых, поскольку бился он не за шкуру свою, и не только за други своя, не щадя живота своего,

но бился он еще и за веру «христианскую в странах полунощных», бился не за страх, а за совесть, и полег, получает-ся, в том числе, за нее же, в воды роковые сибирские, на Вагуге, том, окаянном.

Словцо об Иермаке Тимофеевичи со товаричи

Заря жизни Первопокорителя Сибири прикрыта завесой: происхождения он темного, непонятного. С местом рождения те же проблемы: то ли с Дона герой наш, то ли с Урала. Фамилия, может, Токмак, может – Аленин. Даже имени его, как ни странно, не знают, выбирай любое – како на тя больше зырит: Ермак, Ермолай, Иермак, Герман, Ермил, Василий, Тимофей, Евсей, Еремей. То ли из казаков он, то ли из чувовских посадских людей. Но и это еще не все: существует мнение, что Ермак наш, батюшка, вообще... из итальянцев – католиков, из евреев крещеных, и что внучатый племянник он самого Христофора Колумба! Вот что пишет по этому поводу современный историк²⁰:

«В лето 7073 года, во второй день июля месяца, на допросе оный беглый именем Евсей Тимофеев сын показал на себя, что рожден в Кафе городе, что от роду ему полных сорок два года, вероисповеданием крещеный еврей, из католи-

²⁰ Александр Левинтов «К вопросу о возможном происхождении Ермака Тимофеевича» (<http://www.port-folio.org/part358.htm>)

КОВ...».

«В дневниках ганзейского посла при Московском дворе Густава Маннерхейма²¹, датированных зимой 1587 года, говорится о секретной экспедиции отряда казаков вглубь континента далеко за Камень (Урал), чуть не на тысячу верст от Перми, вотчины Строгановых. Там же указано, что возглавлял экспедицию итальянский католик, видимо, тайно присланный к царскому двору Папой или одним из кардиналов Южной либо Восточной Европы. <...>. Поиски в Керченском городском архиве позволили обнаружить, что в 80 годы XV века сюда, спасаясь от голода, прибыло несколько семейств из Генуи, в том числе и некий Готлиб Коломбо, крещеный еврей, суконщик, с семейством. Среди многочисленных детей Готлиба действительно был малолетний сын Тимоти».

Как известно, «у Христофора Колумба было два брата: один из них стал его соратником в поисках западного прохода к Индии, и вошел в историю географических открытий вместе с братом Христофором и племянниками Диего и Луи. Младший же брат остался при отце, и унаследовал его суконную мастерскую в Генуе. В *Raccolta completa* за 1475 год говорится: «Доминик Коломбо преставился, оставив своему сыну Готлибу отменную суконную мастерскую. Чумовой

²¹ «его миссия в Москве широко известна историографам, и сведения, имеющиеся в оставленных им дневниках, заметках, зарисовках и картах, заслуживают полного и глубокого доверия»

мор и последовавшие за тем семь голодных лет принудили многих жителей Генуи покинуть город и бежать, кто куда может. Готлиб Коломбо продал свое дело за весьма малые деньги и отправился в Тавриду, списавшись с дальним родственником и старинным заимодавцем Коломбо в поисках неверного счастья. <...>. Мы же считаем доказанным или почти доказанным тот факт, что Ермак Тимофеевич, видимо, был внучатым племянником Христофора Колумба, и в нем бился неукротимый дух первооткрывателя новых стран и земель, как и у его более знаменитого и удачливого предка»²².

Вот те, бабушка, и Юрьев день! Хорошо, допустим, что дело обстоит именно так! Но что меняет для меня лично осознание того факта, что Ермак, чувовской богатырь наш, был... крещеным евреем колумбова рода с итальянскими корнями? Ровным счетом – ничего! (Иисус Христос, кстати, тоже ведь не из вологодских или угличских там...).

Известно еще, что участвовал Ермак в Ливонской войне в составе ладейной бригады, а потом начал, как пишут, «ватажить», то есть – верховодить ватагой, шайкой. Душегуб и тать, выходит, был Ермак Тимофеевич наш, прости Господи! И кровушки, похоже, на нем, соколике, запеклось немало и всякой: и басурьянской, и християньской, и языческой... Никого не щадил, аспид: ни купчишек толстопузых, что с караванами по Волжцы шастали, ни государевых, ни ногайских послов, да и на казну государеву покушался ни раз. За что

²² там же: <http://www.port – folio.org/part358.htm>.

и гонялись за ним, и за «товаричами» его, чекисты тогдашние, рыцари те еще без страха и упрека – из сыскного отдела опричнины Ивана Грозного по всей Волге и Каме, по всей «землици рузьской». Известно, что подручный Ермаков – атаман Иван Кольцо – заочно приговорен был к смерти, да и другие дыбы своей давно уже заждались.

Так бы и закончилось все печально, кабы не Строгановы – всесельники всемогущие пермские. Это они призвали Иермака к себе на службу. С чего бы это вдруг, крупным и богатым землевладельцам пермским, водившим дружбу и с Иваном, и с Малютой, и, уже имевшим от Грозного охранную Бумагу Главную – Жалованную Грамотку на пермские земли, обращаться к известному бандиту и бродяге без роду и племени за помощью?

А случилось это не от хорошей жизни, а вынужденно, потому что житья не стало Уралу от гостей непрошенных из улусов сибирских, переметчивых... Как волки шастали по Камню стаи незваные – то черемисы, то остяки, то вогуличи, то иные подданные царя сибирского Кучума – зорить, грабить, да уводить в полон... А на волков – тут уж простого пса мало будет, тут уж волкодава подавай!

Вот и обратились Строгановы к Ермаку (Герману) Тимофееву, Ивану Кольцо, Якову Михайлову, Никите Пану и Матвею Мещеряку, известным удальством своим редким: слыша как они ужасают своею дерзостью не только мирных путешественников, но и все окрестные Улусы кочевых на-

родов, «предложив сим пяти храбрецам службу честную...»
И запала в Ермака с товарищами мысль, как пишут, «свергнуть с себя опалу делами честными, заслугою государственною, и променять имя смелых грабителей на имя добрых воинов отечества»²³.

²³ Н.М.Карамзин «История государства Российского» (https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/istorija-gosudarstva-rossijskogo/)

Обелиск в честь 400 – летия Орла и дружины казачьего атамана Ермака Тимофеевича. Надпись на памятнике: «Отсюда в лето 1581, нагрузив ладьи оружием и припасами, прибрав себе дружину малую, пошёл Ермак на покорение Сибири». Орел – Городок. Пермский край, лето 2011.

Вот и выдвинулись отважные бойцы на Урал – Камень, встали грудью «за область христианскую». Итог: 22 июля 1581 года²⁴ наголову разбит (и захвачен в плен) Мурза Бегулий, намеревавшийся с 700 вогуличами и остяками пограбить селения на Сылве и Чусовой. Население пограничных с Сибирью уральских поселений, почувствовав надежную защиту, сразу вздохнуло свободнее.

²⁴ даты приводятся по старому стилю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.